

Валерий
Брюсов

Повести и рассказы

Повести и рассказы // Советская Россия, Москва, 1983
FB2: "fb2design", 15 July 2012, version 2.1
FB2: Isais, 15 July 2012, version 2.1
UUID: AE060470-1EC6-47DF-B08E-AEEE7404DBA0
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Валерий Яковлевич Брюсов

Теперь, — когда я проснулся...

Герой рассказа, сознавая себя психопатом, удовлетворял преступные наклонности в контролируемых сновидениях. Потом он проснулся...

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Валерий Яковлевич Брюсов
Теперь, — когда я
проснулся...

Записки психопата

Конечно, меня с детства считали извращенным. Конечно, меня уверяли, что моих чувств не разделяет никто. И я привык лгать перед людьми. Привык говорить избитые речи о сострадании и о любви, о счастье любить других. Но в тайне души я был убежден, и убежден даже и теперь, что по своей природе человек преступен. Мне кажется, что среди всех ощущений, которые называют наслаждениями, есть только одно, достойное такого названия, — то, которое овладевает человеком при созерцании страданий другого. Я полагаю, что человек в своем первобытном состоянии может жаждать лишь одного — мучить себе подобных. Наша культура наложила свою узду на это естественное побуждение. Века рабства довели человеческую душу до веры, что чужие мучения тягостны ей. И ныне люди вполне искренно плачут о других и сострадают им. Но это лишь мираж и обман чувств.

Можно составить такую смесь из воды и спирта, что прованское масло в ней будет в равновесии при всяком положении, не

всплывая и не погружаясь. Иначе говоря, на него перестанет действовать притяжение земли. В учебниках физики говорится, что тогда, повинувшись лишь стремлению, присущему его частицам, масло соберется в форму шара. Подобно этому бывают мгновения, когда человеческая душа освобождается от власти ее тяготения, от всех цепей, наложенных на нее наследственностью и воспитанием, от всех внешних влияний, обычно обуславливающих нашу волю: от страха перед судом, от боязни общественного мнения и т. д. В эти мгновения наши желания и поступки подчиняются лишь первобытным, естественным влечениям нашего существа.

Это не часы обычного сна, когда дневное сознание, хотя и померкнув, еще продолжает руководить нашим сонным «я»; это и не дни безумия, умопомешательства: тогда на смену обычным влияниям приходят другие, еще более самовластные. Это — мгновения того странного состояния, когда наше тело покоится во сне, а мысль, зная то, тайно объявляет нашему призраку, блуждающему в мире грез: ты свободен! Поняв, что наши поступки будут

существовать лишь для нас самих, что они останутся неведомыми для всего мира, мы вольно отдаемся самобытным, из темных глубин воли исходящим, побуждениям. И в такие мгновения, у меня по крайней мере, никогда не являлось желания совершить какое-либо деяние добродетели. Напротив, зная, что я останусь совершенно, до последних пределов безнаказанным, я спешил сделать что-нибудь дикое, злое и греховное.

Я всегда считал и продолжаю считать сон равноправным нашей жизни наяву. Что такое наша явь? Это — наши впечатления, наши чувства, наши желания, ничего больше. Все это есть и во сне. Сон столь же наполняет душу, как явь, столь же нас волнует, радует, печалит. Поступки, совершаемые нами во сне, оставляют в нашем духовном существе такой же след, как совершаемые наяву. В конце концов вся разница между явью и сном лишь в том, что сонная жизнь у каждого человека своя собственная, отдельная, а явь — для всех одна и та же или считается одинаковой... Из этого следует, что для каждого отдельного человека сон — вторая действитель-

ность. Какую из двух действительностей, сон или явь, предпочесть, зависит от личной склонности.

Мне с детства сон нравился больше яви. Я не только не считал потерянным время, проведенное во сне, но, на против, жалел часов, отнятых у сна для жизни наяву. Но, конечно, во сне я искал жизни, т. е. сновидений. Еще мальчиком я привык считать ночь без сновидений тяжелым лишением. Если мне случилось проснуться, не помня своего сна, я чувствовал себя несчастным. Тогда весь день, дома и в школе, я мучительно напрягал память, пока в ее глухом углу не находил осколка позабытых картин и, при новом усилии, вдруг не обретал всей яркости недавней сонной жизни. Я жадно углублялся в этот воскресший мир и восстанавливал все его малейшие подробности. Таким воспитанием своей памяти я достиг того, что уже не забывал своих сновидений никогда. Я ждал ночи и сна, как часа желанного свидания.

Особенно я любил кошмары за потрясающую силу их впечатлений. Я развил в себе способность вызывать их искусственно. Стои-

ло мне только уснуть, положив голову ниже, чем тело, чтобы кошмар почти тотчас сдавливал меня своими сладко-мучительными когтями. Я просыпался от невыразимого томления, задыхаясь, но едва вдохнув свежего воздуха, спешил опять упасть туда, на черное дно, в ужас и содрогание. Чудовищные лики выступали вокруг из мглы, обезьяноподобный дьяволы вступали в бой между собой и вдруг с воплем кидались на меня, опрокидывали, душили; в висках стучало, было больно и страшно, но так несказанно, что я был счастлив.

Но еще более любил я, с ранних лет, те состояния во сне, когда знаешь, что спишь. Я тогда же постиг, какую великую свободу духа дают они. Их я не умел вызывать по воле. Во сне я вдруг словно получал электрический удар и сразу узнавал, что мир теперь в моей власти. Я шел тогда по дорогам сна, по его дворцам и долинам, куда хотел. При усилии воли, я мог увидеть себя в той обстановке, какая мне нравилась, мог ввести в свой сон всех, о ком мечтал. В первом детстве я пользовался этими мгновениями, чтобы дурачиться

над людьми, проделывать всевозможные шалости. Но с годами я перешел к иным, более заветным радостям: я насилывал женщин, я совершал убийства и стал палачом. И только тогда я узнал, что восторг и упоение — не пустые слова.

Проходили года. Миновали дни ученичества и подчиненности. Я был один, у меня не было семьи, мне не приходилось трудом добиваться права дышать. Я имел возможность отдаваться безраздельно своему счастью. Я проводил во сне и дремоте большую часть суток. Я пользовался разными наркотическими средствами: не ради именно ими сулимых наслаждений, но чтобы продолжить и углубить сон. Опытность и привычка давали мне возможность все чаще и чаще упиваться безусловнейшей из свобод, о которой только смеет мечтать человек. Постепенное мое ночное сознание в этих снах, по силе и ясности, приблизилось к дневному и, пожалуй, даже стало превосходить его. Я умел и жить в своих грезах, и созерцать эту жизнь со стороны. Я как бы наблюдал свой призрак, совершающий во сне то или другое, руководил им и в

то же время переживал со всей страстностью все его ощущения.

Я создал себе наиболее подходящую обстановку для своих сновидений. То был обширный зал где-то глубоко под землей. Он был освещен красным огнем двух огромных печей. Стены, по-видимому, были железные. Пол каменный. Там были все обычные принадлежности пыток: дыба, кол, сидения с гвоздями, снаряды для вытягивания мускулов и для выматывания кишок, ножи, щипцы, бичи, пилы, раскаленные брусья и грабли. Когда счастливая судьба давала мне мою свободу, я почти всегда устремлялся тотчас в свое таинственное убежище. Усиленным напряжением желанья я вводил в этот подземный покой кого хотел, иногда знакомых мне лиц, чаще — рожденных в воображении, обыкновенно девушек и юношей, беременных женщин, детей. Я тешился ими, как самый мощный из деспотов земли. С течением времени у меня возникли любимые типы жертв. Я знал их по именам. В одних меня прельщала красота их тела, в других — их мужество в перенесении величайших мучений, их презрение ко всем

моим ухищрениям, в третьих, напротив, — их слабость, их безволие, их стоны и напрасные мольбы. Иногда, и даже нередко, я заставлял воскреснуть уже замученных мною, чтобы еще раз насладиться их страдальческой смертью. Сначала я был один и палачом и зрителем. Потом я создал себе, как помощников, свору безобразных карликов. Число их возросло по моему желанию. Они подавали мне орудия пытки, они исполняли мои указания, хохоча и кривляясь. Среди них я праздновал свои оргии крови и огня, криков и проклятий.

Вероятно, я остался бы безумным, одиноким и счастливым. Но немногие бывшие у меня друзья, находя меня больным и близким к помешательству, захотели меня спасти. Почти силой они заставляли меня выезжать, бывать в театрах и в обществе. Я подозреваю, что они с умыслом постарались представить в самом привлекательном для меня свете девушку, которая затем стала моей женой. Впрочем, вряд ли нашелся бы человек, который не счел ее достойной поклонения. Все очарования женщины и человека соединя-

лись в той, кого я полюбил, кого так часто называл своей и кого не перестану оплакивать во все остающиеся дни жизни. А ей показали меня как страдальца, как несчастного, которого надо спасти. Она начала с любопытства и перешла к самой полной, к самой самозабвенной страсти.

Долгое время я не решался и задумываться о женитьбе. Как ни властно было чувство, впервые поработившее мою душу, но меня ужасала мысль — потерять свое одиночество, позволявшее мне на свободе упиваться видениями снов. Однако правильная жизнь, к которой меня принудили, постепенно затемнила мое сознание. Я искренно поверил, что с моей душой может свершиться какое-то преобразование, что она может отречься от своей, людьми непризнанной, правды. Мои друзья поздравляли меня в день свадьбы, как вышедшего из гроба к солнцу. После брачного путешествия мы с женой поселились в новом, светлом и веселом доме. Я убедил себя, что меня интересуют события мира и городские новости; я читал газеты, поддерживал знакомства. Я опять научился бодрствовать

днем. Ночью, после исступленных ласк двух любовников, меня обычно постигал мертвый, плоский сон без далей, без образов. В кратком ослеплении я готов был радоваться своему выздоровлению, своему воскресению из безумия в повседневность.

Но, конечно, никогда, о никогда! не умира-ло во мне совсем желание иных упоений. Оно было только заглушено слишком осязательной действительностью. И в медовые дни первого месяца после свадьбы я чувствовал где-то в тайниках души ненасыщенную жажду более ослепительных и более потрясающих впечатлений. С каждой новой неделей эта жажда мучила меня все неотступней. И рядом с ней выросло другое неотступное желание, в котором сначала я не решался признаться самому себе: желание привести ее, мою жену, которую я любил, на мое ночное пиршество и увидеть ее лицо искаженным от терзаний ее тела. Я боролся, я долго боролся, стараясь сохранить трезвость. Я убеждал себя всеми доводами рассудка, но не мог сам в них поверить. Напрасно я искал рассеяния, не давал себе оставаться наеди-

не — искушение было во мне, от него уйти было некуда.

И наконец, я уступил. Я сделал вид, что предпринял большой труд по истории религий. Я поставил в своей библиотеке широкие диваны и стал запираяться там на ночь. Немного позже стал проводить там и целые дни. Я всячески скрывал свою тайну от жены; я дрожал, чтобы она не проникла в то, что я хранил так ревниво. Мне она была дорога, как прежде. Ее ласки услаждали меня не меньше, чем в первые дни нашей общей жизни. Но меня влекло более властное сладострастие. Я не мог объяснить ей своего поведения. Я предпочитал даже, чтобы она думала, что я разлюбил ее и избегаю общения с ней. И она действительно так думала, томилась и изнемогала. Я видел, что она бледнеет и чахнет, что скорбь поведет ее к могиле. Но если, поддавшись порыву, я говорил ей обычные слова любви, она оживала лишь на мгновение: она не могла поверить мне, потому что мои поступки, как казалось, слишком противоречили моим словам.

Но хотя я и проводил во сне, как прежде,

почти целые сутки, отдаваясь своим видениям еще безраздельнее, чем до свадьбы, — я почему-то утратил былую способность обрести свою полную свободу. Целые недели я оставался на своих диванах, просыпался лишь затем, чтобы немного подкрепиться вином или бульоном, чтобы принять новую дозу усыпляющего, — но желанный миг не наступал. Я переживал сладкие мучения кошмара, его пышность и беспощадность, я мог вспоминать и нанизывать вереницы многообразных снов, то последовательных и страшных именно этой торжествующей последовательностью, то дико бессвязных, восхитительных и великолепных безумием своих сочетаний, — но мое сознание продолжало оставаться подернутым какой-то дымкой. Я не имел власти распоряжаться сном, я должен был выслушивать и созерцать, что давалось мне откуда-то извне, кем-то.

Я прибегал ко всем известным мне приемам и средствам: искусственно нарушал кровообращение, гипнотизировал сам себя, пользовался и морфием, и гашишем, и всеми другими усыпляющими ядами, но они мне дава-

ли только их собственные чары. После возбуждения, вызванного демоном индийского мака, наступало сладостное изнеможение, бессильная зыбь сонной ладьи на неизмеримом океане, рождающем из своих волн все новые видения, — но эти образы не повиновались моим заклятиям. Очнувшись, я с бешенством вспоминал длинные смены картин, проходивших предо мной, соблазнительных и увлекающих, но подсказанных не моей прихотью и исчезнувших не по моей воле. Я изнемогал от ярости и от желания, но был бессилен.

Помнится, прошло более шести месяцев, считая от того времени, когда я вернулся к прерванному было упоению грезами, до того дня, когда мое самое заветное счастье было возвращено мне. Во сне я вдруг почувствовал хорошо мне знакомый электрический удар и вдруг понял, что я опять свободен, что я сплю, но властен распоряжаться сном, что я могу совершить все, что пожелаю, и это все останется лишь сном! Волна несказанного восторга залила мне душу. Я не мог воспротивиться давнему искушению: моим первым движением

ем было — тотчас найти мою жену. Но я не пожелал своего подземного покоя. Я предпочел оказаться в той обстановке, к которой она привыкла и которую она устраивала сама. Это было более утонченное наслаждение. И сейчас же, своим вторым сонным сознанием, я увидел самого себя стоящим за дверями моей библиотеки.

«Пойдем, — сказал я своему призраку, — пойдем, *она* спит сейчас, и захвати с собой тонкий кинжал, ручка которого отделана слоновой костью»,

Повинуясь, я пошел знакомым путем по неосвещенным комнатам. Мне казалось, что я не иду, передвигая ноги, а лечу, как то всегда бывает во сне. Проходя через залу, я увидел, в окна, крыши города и подумал: «Все это в моей власти». Ночь была безлунная, но небо блистало звездами. Из под кресел высунулись было мои карлики, но я сделал им знак исчезнуть. Я беззвучно приоткрыл дверь спальни. Лампадка достаточно освещала комнату. Я подступил к кровати, где спала жена. Она лежала как-то бессильно, маленькая и худенькая; ее волосы, заплетенные на ночь в две ко-

сы, свисали с постели. У подушки лежал платок: она плакала, ложась, плакала о том, что опять не дождалась меня к себе. Какое-то скорбное чувство сжало мне сердце. В это мгновение я готов был поверить в сострадание. У меня мелькнуло желание упасть на колени перед ее постелью и целовать ее озябшие ноги. Но тотчас я напомнил себе, что это все во сне.

Удивительно странное чувство томило меня. Я мог, наконец, осуществить свою тайную мечту, сделать с этой женщиной все, что хочу. И все это должно было остаться известным лишь мне одному. А наяву я мог окружить ее всем восторгом ласк, утешить ее, любить и лелеять... Нагнувшись над телом жены, я сильной рукой сжал ее горло, так что она не могла крикнуть. Она проснулась сразу, открыла глаза и вся заметалась под моей рукой. Но я словно пригвоздил ее к постели, и она извивалась, пытаясь оттолкнуть меня, порываясь что-то сказать мне, глядя на меня обезумевшими глазами. Несколько мгновений я всматривался в синюю глубину этих глаз, исполненный несказанного волнения,

потом сразу ударил эту женщину своим кинжалом в бок, под одеяло.

Я видел, как она вся вздрогнула, вытянулась, все еще не могла крикнуть, но глаза ее наполнились слезами боли и отчаянья, и слезы покатались по ее щекам. А по моей руке державшей кинжал, потекла липкая и тепловатая кровь. Я стал медленно наносить удары, сорвал одеяло с лежавшей и колол ее, обнаженную, порывавшуюся закрыться, встать, ползти. О, как было сладостно и как страшно лезвием разрезать упругие выпуклости тела, и все его, красивое, нежное, любимое, оплетать алыми лентами ран и крови! Наконец, схватив жену за голову, я воткнул кинжал ей в шею, насквозь, позади сонной артерии, напруг все свои силы и перервал горло. Кровь заклокотала, потому что умирающая пыталась дышать; руки ее неопределенно хотели что-то схватить или смахнуть. Еще потом она осталась неподвижной.

Тогда такое потрясающее отчаяние охватило мою душу, что я тотчас рванулся, чтобы проснуться, и не мог. Я делал все усилия воли, ожидая, что стены этой спальни распадутся

вдруг, уйдут и растают, что я увижу себя на своем диване в библиотеке. Но кошмар не проходил. Окровавленное и обезображенное тело жены было предо мною на постели, облитой кровью. А в дверях уже толпились со свечами люди, которые бросились сюда, услышав шум борьбы, и лица которых были искажены ужасом. Они не говорили ни слова, но все смотрели на меня, и я их видел.

Тогда вдруг я понял, что этот раз всё, что свершилось, было не во сне.